

тет олеандр и раскидывает огромные лопасти фикус. Половина огорода засажена малиной, и мы, дети, лакомимся ею все лето.

Это места моего детства, самые дорогие и близкие, там корни моего родового древа.

Из рассказов родственников узнала, что родом они из Тамбовщины и Рязанщины, а потом из Таврии. Что дед – старший сын в семье, что все его братья и сестры получили хорошее образование и воспитание, закончили гимназии в Благовещенске, продолжили учебу в Москве и Петербурге, многие там и осели.

Помню свою прабабушку Антонину Николаевну, учившую меня, как протирать серебряные вилки, как отдельно от всего белья стирать посудные льняные полотенца. Вспоминаю, как боялась ее строгости моя бабушка, пришедшая молоденькой невесткой в дом на улицу Бусевскую. Помню, как сидя на крыльце веранды по улице Новой, бабушка рассказывала о жизни в то далекое время.

Хочется и сейчас окунуться в тот мир, когда выскоблен промытый пол, подбелена печь, вымыты цветы, подметены кирпичики у крыльца. Чистота и покой, а мы ведем разговор. Они научили меня соблюдать во всем чистоту, чувствовать вкус труда, испытывать радость от хорошо выполненной работы и просто жить, радуясь каждому моменту жизни».

Воспоминания о жизни молокан в Приамурье оставил и Александр Аркадьевич Кауфман – известный русский экономист и статистик, путешествовавший в начале прошлого века по Амуру. В настоящем издании мы продолжаем публикацию глав из его книги «По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903» (СПб., 1905), начатую в четвертом выпуске альманаха. В этом номере публикуется глава «Амурские помещики», посвященная молоканам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарянинов В. О современном состоянии сектантства в Тамбовской епархии и о влиянии на религиозные запросы народа событий истекшего 1905 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1906.
2. Дубова Н.А. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992.
3. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2001.
4. Иникова С.А. Секты духоборцев и молокан: из прошлого в будущее // Исторический вестник. М.-Воронеж, 1999.
5. Антонова Л. Заслон. Роман. Хабаровск, 1973.

А.А. Кауфман

АМУРСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Вот, совсем недалеко от Благовещенска, за Зеей, Будунда, сожженная маньчжурская деревня. Остатки стен, груды перегоревшей глины, местами почти не повреждённые огнём конусообразные печи, обгорелые столбы изгородей, кое-где валяются маленькие жерновки китайских ручных мельниц, на огородах гряды, заросшие густым и крупным бурьяном, среди которого местами пробивается самосевный лук.

– Народ-то куда девался? – спрашиваем ямщика.

– Ушли, – нехотя отвечает ямщик. – А которых побили, – добавляет он после непродолжительного молчания, – кто уходить не хотел. Как стали жечь Будунду, они похоронились в траве да в кустах, послали команду их искать, да всех и перебили.

– Кто же бил-то? – спрашиваем.

– Да так, всякий народ: которые деревенские, а больше шпана из города набралась. Ну, тоже и имуществом покорыстовались, которого маньчжуры в землю не попрятали.

Миновав Будунду, едем долиною Зеи, по извилистой, торной дороге, пересекая широкую полосу бывших маньчжурских пашен. Теперь это сплошные заросли высокого бурьяна,

сквозь который, однако, ещё ясно видны характерные китайские грядки, узкие и прямые, как стрела. На переезде через неширокое болотце, протянувшееся у подошвы окаймляющего долину увала, наша тройка проваливается по брюхо. Оказывается, устроенная маньчжурами, бывшими обитателями Будунды, крепкая гать разобрана на топливо переселенцами, в прошлом году собиравшими маньчжурский хлеб. Поднимаемся на невысокий увал, густо поросший дубовым кустарником, и выезжаем на беспредельную степь, во все стороны раскинувшуюся своими пологими, куполообразными перевалами. Куда ни глянет глаз – везде распаханное поля, среди которых кое-где разбросаны небольшие рощицы, да в разных направлениях протянулись сенокосные низины.

Переезжаем через неширокий ров, сплошь заросший кустарником. Это – «маньчжурская канава», граница бывших маньчжурских, ныне отданных казакам земель «за-Зейского района», а вдоль этой канавы вытянулся длинный ряд «номерных» участков – небольших земельных дачек, нарезанных и распроданных в частные руки, как говорят, со специальной целью – прекратить расползание маньчжурских запашек. За полосой «номерных» участков располагается несколько молоканских селений – Тамбовка, Толстовка, Жариково, Гильчин, и в перемежку с их наделами тоже разбросаны многочисленные, только покрупнее, участки частного владения.

Меня очень заинтересовали «амурские помещики» – эти, пока единственные в Сибири, серьёзные зачатки частного землевладения и частновладельческого хозяйства, в которых одни видят главную опору будущего агрикультурного прогресса и всякого иного прогресса Сибири, другие... ничего не видят, кроме бесполезной растраты ценного государственного достояния; и мне поэтому очень любопытно было посмотреть на несколько таких частновладельческих хозяйств.

Нашею ближайшею целью была «Исаевская заимка», как я думал, поместье некоего Исаева. И мы завидели её почти сейчас же, как поднялись на увал и переехали через «Маньчжурскую канаву». Но то, что я увидел, повергло меня в немалое изумление: вместо помещицкой усадьбы передо мной открылась небольшая деревня, окружённая рощицами молоденького недавно запущенного леса, – девять недурных домов, но чисто крестьянского типа, с довольно плохо огороженными или вовсе не огороженными дворами, с неважными, по большей части, службами. На выезде красуются обширные, но, очевидно, не обитаемые хоромы городского вида, а насупротив них – небольшая двупоставная паровая мельница. Хоромы с мельницей и при них 350 десятин земли – это собственно и была Исаевская заимка. Девять жилых домов – это усадьбы молокан, владеющих участками, каждый от 75 до 400 десятин. Трое из них купили сообща Исаевскую заимку; мельницу и при ней 50 десятин оставили пока в общем владении, а остальные триста десятин поделили на три равные доли.

Заезжаем в один из десяти дворов. Заходим в избу, просим квасу. Завязывается разговор. Кроме хозяина избы, главы семьи в двадцать семь душ, в разговоре принимают участие и собравшиеся соседи – все крепкий, рослый народ, настоящие мужики по облику и одежде. Оказывается строй жизни у них настоящий деревенский: есть выборный староста, гоняются очередные подводы, общее усадебное место – на сходящихся углах четырёх соседних участков, хлопчут об отводе земли под общий выгон.

– Вот вы какие, – изумляюсь я. – А я думал, вы помещики так помещики – своими усадьбами живёте.

– Какие мы, ваше б-дие, помещики, – смеётся хозяин избы. – Мужики мы – так мужики и есть, по-мужицки живём, всю жизнь в земле роемся...

– Они всегда друг к дружке жмутся, стараются деревнями жить, – разъясняет мой спутник, местный обыватель, вдоль и поперёк знающий всех заимщиков.

– Да как же, барин, – говорит один из заимщиков, – нам иначе жить-то? Деревней вот поселились – и учителя собча нанимаем, и выгон у нас общий будет, и мельницей ловчее пользоваться, да и жить-то на миру веселей, нежели по одиночке.

Оказывается, заимщики пораспахали уже почти все свои земли, «залог» (целины) парят, начинают оставлять под пар и «мятые» земли, постепенно переходя таким образом от

переложного хозяйства южнорусских степей к общесибирской залежно-паровой системе полеводства. Пашут плугами – «козульками» (американской фирмы «Deer» с оленем, «козулькой», в виде марки), некоторые – двухлемешными. Все имеют жнеи-«адрианки» (тоже американская фирма – «Adriance-Platt»), трое только что купили сноповязалки, у троих есть молотилки, остальные нанимают молотилки у этих троих, платя за обмолот по 4 – 4,5 р. с десятины. Сеют, «по-русски», пшеницу, много овса, частью на зерно, частью на зелёный корм, начинают перенимать у китайцев посевы чёрных бобов (сои), вводя, таким образом, в севооборот начала плодосмена. Лошади больше привозные, томские, рогатый скот местный, монгольский, овцы – перерод таврических, слабые, плохо переносящие местный климат, есть и местные, тоже плохой породы. Словом, хозяйство обычного для данной местности крестьянского типа. Обработаны поля хорошо и аккуратно, но и в этом нет отличия от полей соседних деревень. Да и сами заимщики не считают себя в чём-то выдающимися хозяевами. «Который крестьянин бедный, – отвечают они на мой вопрос, – тому где же против нас землю обработать, а ежели у которого деревенского сила, тот нам нисколько не уважит»...

Побеседовали, напились квасу – и дальше. Опять почти сплошные пашни, прерывающиеся небольшими сенокосными лощинками или полосками целины, заросшей орешником. На каждой полуверсте, то справа, то слева, толстые-претолстые межевые столбы, поставленные на границах отдельных владений. Минуем небольшие участки – в 50 и в 100 десятин – Крахмалева и Красина. Вот жмутся друг к другу их усадьбы – плохонькие крестьянские избы, жалкие хозяйственные постройки. У Крахмалева всего три лошади, и поднимать целину ему приходится помощью супруги. Минуем стоящую в густой роще усадьбу другого Крахмалева – большой дом, невысокие крепкие амбары и почему-то типичная хохлацкая клуня, не доезжая усадьбы – широкая полоса чёрного пара и обширные поля, засеянные пшеницей.

– А вот там, слева, – говорит мой спутник, – у Л-на четыреста десятин.

Л-н – благовещенский коммерсант, заводчик и спекулянт, раскинувший свои сети по всему Амуре и Забайкалью.

– А что ж он с ними делает? – спрашиваю я.

– Да что делает? Ничего не делает, ждёт, а придёт время – сумеет деньгу нажать. Сейчас уж землю по пятнадцати да по тридцати рублей за десятину продают, а покупали-то по три двадцать пять... Много их, таких-то!.. Вот сейчас один барин хлопочет, чтобы ему тысячу двести десятин отвели, обещает край облагодетельствовать – мельницу паровую поставить. Тоже, подумаешь, благодетель! Тут мельниц-то сколько угодно – одних паровых в участке четырнадцать штук. А себя-то, конечно, облагодетельствует: купил за четыре тысячи, продаст через год за пятнадцать – чем не благодетель! Да ещё подай ему непременно междугранок между деревнями, чтобы хорошенько мужичков нажать – тоже благодетельство будет...

Ещё несколько межевых столбов, таких же толстых. Затем столбы исчезают, и дорога несколько вёрст тянется через прекрасно обработанные поля деревни Толстовки. Вот и сама Толстовка – семьдесят с небольшим дворов, из них девять – баптисты, остальные – молокане: все Косицины, Ланкины, Саяпины, Тулуповы, Лиштаевы.

Длинная-длинная улица. Огромные дворы (на Амуре под усадьбы нарезается по десятине – вчетверо больше, чем в остальных частях Сибири), перед домами – палисаднички, кое-где цветники. Дома большие, крепкие, некоторые совсем городские, другие – попроще, большие, крепкие амбары. Заезжаем на въезжую квартиру – занята: остановился адвокат из Благовещенска, возвращающийся с описи имущества у одного из ближайших заимщиков молокан. Сельский староста подсаживается к нам в экипаж помочь сыскать другую квартиру. В темноте, было около десяти часов вечера, нас обгоняет какая-то фигура... на велосипеде.

– Кто такой? – спрашиваем старосту.

– А кузнец здешний, самокат завёл.

– Куда ж он на нём ездит?

– Да куда случится: в другие деревни ездит, в гости, а то так, разгуляться.

Ну не американцы ли?..

Вот, наконец, и желанная квартира: дом из двух обширных половин, в «избе», рядом с русскою печкой, американская ручная помпа («У нас у всех такие, – объясняет хозяин, – больно трудно бабам-то воду таскать»). От чистой комнаты отгорожено, по молоканскому обычаю, две или три маленьких клетушки, по одной для каждой брачной пары, в углу и под столом – две ручных швейных машины («В России у бабы прятка, здесь – швейная машина»).

Толстовка очень зажиточная, притом равномерно зажиточная, деревня: богачи сеют по 90, по 100 «молоканских» десятин (4000 кв. саж. = 1 $\frac{2}{3}$ казённой десятины), самые бедные – не менее пятнадцати, двадцати десятин каждый. Распахали решительно весь надел, кроме мокрых низин – «падушек». Сенокосов почти не оставили – косят «падушки» и залежи, но тех и других осталось мало, сеют поэтому много овса на зелёный корм, сеяли и китайские бобы, да не развели своих семян, а покупали у маньчжур, пришлось пока прекратить посевы бобов. Хозяйство в существе, как и везде, самое первобытное: сеют хлеб за хлебом, по двенадцати и более лет подряд, без отдыха и пара. Зато по части орудий и машин Толстовка вместе с соседнею Тамбовкой ничуть не уступают самым богатым владельческим заимкам: в обеих есть хозяева, имеющие машин на четыре и на пять тысяч рублей, все, кто побогаче, от сравнительно дешёвых перешли к дорогим плугам с сиденьем. Большинство имеет рядовые сеялки, сортировки, простые жнеи-«адрианки» выходят из употребления, в Толстовке уже в 1900 году работало двенадцать сноповязалок, а ныне весной заказано ещё двадцать четыре, у двенадцати хозяев молотилки, из них одна приспособлена к локомотиву паровой мельницы.

Едем дальше всё по такой же слабо волнистой степи, по большей части сплошь распашанной, а где остался кусочек целины – либо густо уросшей мелким орешником, либо усеянной жёлтыми лилиями и бледно-лиловыми ирисами. Опять несколько межевых столбов и в стороне, среди небольших рощиц, ещё несколько частновладельческих усадеб. Потом опять сплошные, превосходно обработанные пашни, по которым расстилаются густые, ровные и чистые хлеба. Это пашни деревни Тамбовки, той самой Тамбовки, задолженность которой в банках исчисляется уже сотнями тысяч рублей.

Тамбовка – большая деревня, сто шестьдесят дворов, тоже молокан и баптистов, все такие же Ланкины, Косицины и Саяпины. На вид улицы Тамбовки лучше благовещенских. Почти сплошь железные крыши, дома с балконами или верандами, окрашенные масляною краскою в разнообразнейшие цвета, громадные, крепкие амбары с тёсовыми крышами, обширные сараи для земледельческих машин. Но заборы по большей части очень плохи, все жалкие изгороди, у некоторых заменяемые канавами и валиками. Это – результат безлесья, уже заставившего тамбовцев, как и их соседей из Жариковой, Гильчина и других селений, подумать о восстановлении раньше безжалостно истреблявшегося леса и запустить под лес довольно большую площадь мелкой заросли. Громадные запашки, несмотря на стодесятиный на семью надел, уже создали «утеснение» в пахотной земле, и это утеснение, как везде в Сибири, привело уже в Тамбовке к переделу ближайшей к селению части пашен.

Благосостояние в Тамбовке менее равномерно, нежели в Толстовке. Немало хозяев засеивает более сотни «молоканских» десятин, а многие из тамбовских молокан, живя по-прежнему в деревне и обрабатывая надельную землю, владеют и участками купчей земли. Но есть и беднота, засеивающая по 2-3 десятины, а то и вовсе не имеющая посева. Усовершенствованные орудия и машины, как я уже говорил, чуть не более в ходу, нежели в Толстовке, и покупают их не только богачи, но и рядовые хозяева. «Молокане уж такой народ, нет денег, так найдут»: молотилки «почтёшь что в каждом дворе», у богатых дорогие, с веялкой, у менее состоятельных – подешевле, сноповязалок в 1900 году работало двадцать, весной 1901 года куплено ещё за пятьдесят, рядовые сеялки, сортировки, косилки и т.п... Проезжало, говорят, по области чрезвычайно высокое местное начальство. Местные власти на показ ему велели тамбовцам выстроить в шеренгу все машины – начальство так и развело руками!..

От границы тамбовского надела вступаем, можно сказать, в самое сердце амурского частного землевладения. Дорога идёт вниз по Гильчину, а вдоль правого берега этой речки, до самой «Маньчжурской канавы», сплошной лентой вытянулись молоканские заимки.

Вот заимки Фёдора и Евстигнея Косицыных и Тулупова – посёлок в четыре двора, у всех четырёх стодесятинные участки, одна из четырёх усадеб роскошная, другие попроще. Пашни вытянуты обширными сплошными полями, засеянными под одну межу, но обработаны плохо и сильно заросли сорными травами.

Вот другой посёлок, немного побольше – это заимка Епифана Ланкина с товарищами. Заходим в первую попавшуюся избу, к старику Тулупову, одному из «первых жителей» заимки; коренастый, крепкий старик чисто крестьянского облика, простой крестьянский двор с большим сараем для машин, за двором крохотная, но тенистая рощица, в ней столик и скамейка.

– Из первых я здесь, барин, из первых, – отвечает на наши вопросы старик Тулупов, – вшестером мы заимку-то заводили. Купили наперво пятьсот, потом ещё триста десятин, отделили местечко под дома для скота-выпуска, а прочую землю под посев делим: поделим угол, снимем три хлеба – бросаем отдыхать и новый угол делим.

Делят землю на шесть равных паев. Но Тулупов выделил одного из своих четырёх сыновей, и ему теперь при разделе пашни отводится соответствующая, двадцать четвёртая доля; а другой товарищ, Попов, умер, и его доля разбилась между шестью сыновьями.

– Худо живут парни, всё споры у них, до суда доходили. Да вот и с Ланкиными, с Трофимом да с Овдокимом, пособиться не можем, выделять хотят паи-то, да мы их не пускаем.

Кроме пая в общем владении, Тулупов имеет ещё два участка, купленных единолично, один в сто двадцать, другой в полтора десятин, засекает около семидесяти десятин, посевы всё те же: пшеница, овёс, китайские бобы. Своими машинами Тулупов непременно захотел нам похвалиться, повёл нас в сарай, где оказалось три плуга с сидениями, конные грабли, сноповязалка, молотилка, рядовая сеялка.

– Все деньги, барин, на эти машины уходят. Дом вот у нас плохонек – всё не доберусь новый ставить, а на машины и нет денег, так найдёшь

Идём пешком к Евдокиму Ланкину, владеющему, кроме пая в той же артели, ещё девятьюстами десятинами, из которых четыреста прикуплены недавно, но уже не по три двадцать пять, а из вторых рук, по пятнадцати рублей за десятину. Роскошный городской дом, огромный двор, несколько больших амбаров, обширный сарай с сельскохозяйственными орудиями и машинами, достраивается паровая мельница с пятнадцатисильным локомотивом. Самого Евдокима нет дома. Его сын, лощёный парень, в лакированных ботфортах, не проявляет особенной склонности к разговорам, а потому мы ограничиваемся посещением машинного сарая с паровой молотилкой, тремя сноповязалками, тремя конными граблями и всею прочею «снастью», потребною для обработки и уборки ста двадцати молоканских десятин, и через калитку проходим к другому Ланкину – Трофиму.

Такой же громадный двор, дом проще, но очень просторный, обстановка самая простая, и только на стене – коллекция дорогих винтовок разнообразных иностранных систем. Трофим – коренастый мужчина мещанского облика, с хитрыми, пронизывающими глазами, большею частью живёт в городе и только наезжает на заимку. Как и большинство состоятельных молокан, он ведёт, наряду с хозяйством, крупные торговые дела – всё больше разные поставки на прииски, а в 1900 году он заработал, ни много ни мало, двадцать тысяч рублей на доставке военных грузов в Цицикар и в другие пункты бывшей на военном положении Маньчжурии. Ближайшее заведование хозяйством на заимке лежит на двух из сыновей Трофима, тоже вылощенных юношах в лакированных ботфортах. Земли у Трофима меньше, чем у Евдокима: он имеет, кроме пая в артельном участке, всего шестьсот десятин, но засекает он больше – до полутора десятин, имеет ещё больший мертвый инвентарь и тоже – паровую мельницу. Хозяйство у Трофима имеет менее казовый вид, нежели у Евдокима, но в сущности ведётся лучше и имеет более, так сказать, прогрессивный характер: он выписывает (впрочем, пока без особого успеха) улучшенные сорта пшеницы и овса, собирается устраивать конский завод, строить кожевню. Но особенная гордость Трофима – его сад, большая

площадь, правильно засаженная фруктовыми деревьями. Деревья, впрочем, почти все местных, плохих пород, непривитые, и только в нынешнем году впервые высажено несколько экземпляров привозных пород, купленных у выписавшего несколько тысяч саженцев, молокана же, Косицына.

Ещё несколько заимок: вот заимка Тимашевых с товарищами. Опять небольшой посёлок из семи дворов, владеющих, по большей части, стодесятинными участками. Вот заимка Лаврентия Дружина – крупное хозяйство с восемьюстами десятинами земли и паровой мельницею, только что разбившееся, по семейному разделу, на несколько частей. За рекою видим утопающую в садах и рощах деревеньку Жарикову.

– Банкротовой её зовут, – говорит мой спутник. – Проторгуется благовещенский купец из молокан – записывается в крестьяне в Жарикову. Уж сколько их так позаписалось!

Вот и ещё заимка, на самом краю Гильчинского увала, всего два двора. Это заимка Фокина и Никифора Болотина. Хозяйство последнего – одно из самых известных в крае, его чаще всего приводят в подтверждение культурного значения частного землевладения, а потому мы заходим на несколько минут ещё и на Болотинскую заимку. Простая постройка, без всяких городских затей, крестьянского обличья и сам хозяин – один из двух братьев Болотинных. Но хозяйство одно из самых крупных: восемьсот десятин земли, полтораста молоканских десятин посева, четыре плуга с сиденьями, три сноповязалки. Гордость Болотинных – их конный завод из 25-30 маток местной породы, с томскими производителями, лошадей раскупают и в Благовещенске, и по деревням, по триста рублей и дороже за штуку. Рогатый скот тоже хороший, но местной породы, без всяких попыток улучшения извне.

– Отчего вы скота не выпишете из России? – спрашивает мой спутник Болотина. – То же бы завод завести могли!

– Да всё руки не доходят. А слышать, Косицын поехал уж в Россию быков покупать?

– Поехал, вагон рассчитывает привезти.

– Какой это Косицын? Заимщик? – спрашиваю я.

– Нет, крестьянин, деревенский. А вот я тут ещё другого человечка подбиваю за быками ехать, нонче, должно быть, поедет; тот из заимщиков...

Ещё несколько вёрст по долине Гильчина, у самого подножья увала. Затем мы пересекаем долину и въезжаем в деревню Гильчин – опять все Саяпины, Ланкины и Косицыны. И здесь помпы Нортон в избах, обширные дворы, крепкие амбары, но застройка без такого шика, как, например, в Тамбовке.

– Небось, поплоше живёте против тамбовских? – спрашиваю я одного из многочисленных Саяпиных.

– Кто его знает, ваше бл-дие, может, плоше, а может, и нет, – отвечает Саяпин слегка обиженным тоном. – Строение-то у нас не такое, как в Тамбовке, а машин – подходяще, а уж посевами и скотом наши и вовсе не уважают тамбовским.

Под проливным дождём выезжаем из Гильчина, чтоб напрямиком, через бывшие маньчжурские земли, проехать в Благовещенск. Нашей тройке предстоит нелёгкая задача – везти нас в одну пряжку слишком пятьдесят вёрст по сильно размоченной дороге, но резвые забайкалки блистательно справляются с этою задачей.

– Вот томским лошадям ни в жисть этак не вывезти, – говорит наш ямщик, – даром что здоровые глядеть. А эти – и смотреть не на что, а поглядите, под конец ещё резвей побегут.

Проехали несколько вёрст гильчинскими полями. Миновали последнюю заимку, одного из Лиштаевых, владельца стодесятинного участка: скромная изба, очень мало хозяйственных построек, но около дома тенистая рощица со скамьями и качелью.

Сейчас же за заимкой – «Маньчжурская канава», а за нею опять та самая мерзость запустения, которую я уже видел в Будунде: те же кучи глины, обгорелые столбы, полуобвалившиеся печи на бывших маньчжурских усадьбах, те же заросшие густым, тёмно-зелёным бурьяном огороды и также заросшие бурьяном, но иного типа, пашни, с ясно видными ещё гребнями или грядками.

– И что у них за огороды были, – скорбит мой спутник, – как они приспособились к спросу! Двенадцать лет тому назад я приехал в Благовещенск – у них только свои, китайские овощи были, а под конец чего только они не разводили: и салат, и кочанную капусту, и цветную!..

– Насидятся теперь благовещенцы без овощей, – говорю я.

– Ну нет, сейчас-то овощей, действительно, мало, но будут – крестьяне разведут. Прежде конкуренция маньчжур была не под силу, они и не занимались огородами, а теперь уже начали выписывать семена и разделять землю под огороды.

Как и под Будундою, мерзость запустения отразилась и на самой дороге: гати и мосты тоже разобраны на дрова переселенцами-могилёвцами, которые провели здесь лето и сняли последний маньчжурский хлеб...

Тяжёлое, гнетущее впечатление производит эта пустыня, ещё так недавно кипящая жизнью и трудом...

– Теперь ничего, привыкли, – говорит, оборачиваясь к нам, ямщик. – А то с весны жутко было ездить – пусто, никого нет... А прежде бывало все маньчжуры здороваются, разговаривают. «Амбá, говорят, куда пошёл, какой деревня, какой дело»...

Печатается по Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901-1903.

СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 70-84.

Орфография и пунктуация современные.

Н.Г.Архипова

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ АМУРСКИХ МОЛОКАН

Во время диалектологической экспедиции 2005 г. в молоканские села Тамбовского и Константиновского районов: Жариково, Раздольное, Тамбовку, Толстовку, Гильчин, Косицино, Верхний Уртуй, Нижний Уртуй, – были сделаны аудиозаписи диалектной речи потомков первых молокан, переселившихся в Амурскую область в середине XIX в., общим объемом более ста часов звучания.

Собранный материал позволяет выявить общие черты говора молокан-амурцев на фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексико-фразеологическом уровнях, показать наиболее существенные особенности текстов-воспоминаний в структурном и стилистическом аспектах, а также яркие черты языковой личности информанта. При лингвистическом комментировании мы опирались на методику, представленную в книге «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южное наречие» [1, с. 6-15].

Представленные в альманахе тексты – это расшифрованные аудиозаписи спонтанной речи четырех жительниц сел Тамбовского р-на (Гильчин, Жариково, Толстовка): Саяпиной Веры Васильевны, Саяпиной Лукерьи Степановны, Филимоновой Анны (Ганны) Михайловны, Садовенко Майи Петровны.

Наши собеседницы – уроженки Амурской области. Их предки-молокане переселились в Приамурье из Тамбовской губернии и Таврии. Всю жизнь информанты прожили на одном месте, за пределы области не выезжали. Трое из них окончили четыре класса (Саяпина В.В., Саяпина Л.С., Филимонова А.М.), Садовенко М.П. имеет семилетнее образование. Все они были замужем, имеют детей, внуков.

К информантам старшего поколения относится Филимонова Ганна Михайловна. Она родилась в 1917 г. в с. Жариково Тамбовского р-на Амурской области. В ее речи в большей степени, чем у других информантов, проявляются диалектные особенности, позволяющие отнести ее говор к южнорусскому типу.

Большое место в рассказах Ганны Михайловны занимает повествование о молоканской вере, о том, как жили в одном селе представители разных религиозных течений: молокане, баптисты, православные.